

© 2019. Н. Н. Вихрова
г. Великий Новгород, Россия

**И. С. Аксаков о монастырях и монашестве
(по материалам переписки с женой)**

*Статья выполнена в рамках проекта «Письма А. Ф. Тютчевой (Аксаковой)
И. С. Аксакову (1865–1886): подготовка комментированного издания переписки»
№18–012–00419 при финансовой поддержке РФФИ*

Аннотация: Переписка И. С. Аксакова с женой является полноценным источником для характеристики его воззрений по самому широкому кругу вопросов. Поскольку оба корреспондента были глубоко верующими людьми, религиозная тематика и проблематика широко представлена в их эпистолярном наследии. Материалы переписки, в которых затрагиваются вопросы, касающиеся роли и значения института монашества, демонстрируют, что И. С. Аксаков приветствовал его несомненную духовно-просветительскую и даже государствообразующую роль в российской истории, однако официальное положение института монашества в синодальный период считал косным и не вполне соответствующим христианскому идеалу. Вместе с тем, супруги Аксаковы были единомышленны в признании монастырей как традиционных центров средоточия истинной святости и духовного подвига отдельных личностей.

Ключевые слова: православие, монашество, монастырь, славянофильство, христианский идеал

Информация об авторе: Вихрова Нина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Санкт-Петербургская, д. 41, 173003, г. Великий Новгород, Россия

E-mail: vihnn@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 27.10.2019

Дата публикации статьи: 10.12.2019

Для цитирования: Вихрова Н. Н. И. С. Аксаков о монастырях и монашестве (по материалам переписки с женой) // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 78–93. DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-78-93

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. Nina N. Vikhrova
Veliky Novgorod, Russia

I. S. Aksakov about monasteries and monasticism (on materials of the correspondence with his wife)

*Article is executed within work on project "Letters of A. F. Tyutcheva (Aksakova) to
I. S. Aksakov (1865–1886): preparation of the commented edition of correspondence"
№18–012–00419 with financial support of the RFBR*

Abstract: I. S. Aksakov's correspondence with his wife is a full-fledged source for characterizing his views on the widest range of issues. Due to the fact that they were deeply and confidently religious people, religious themes and issues are widely represented in their epistolary heritage. The materials of correspondence, which are touching the issues about the role and significance of the institution of monasticism, demonstrates that I. Aksakov welcomed its undoubted spiritual and educational and even state-forming role in Russian history. But he considered its official position in the synodal period to be rigid and not quite in line with the Christian ideal. At the same time, the Aksakovs were unanimous in recognizing the monasteries as the traditional centers of the heart of true holiness and spiritual feat of individuals.

Keywords: Orthodoxy, monasticism, monastery, Slavophilism, Christian ideal

Information about the author: Nina N. Vikhrova, PhD in Philology, docent, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, B. St. Petersburgskaya, 41173003 Veliky Novgorod, Russia

E-mail: vihnn@mail.ru

Received: October 27, 2019

Published: December 10, 2019

For citation: Vikhrova N. N. I. S. Aksakov about monasteries and monasticism (on materials of the correspondence with his wife). Two centuries of the Russian classics, 2019, vol. 1, № 2, pp. 78–93. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-1-2-78-93

Представитель так называемых «младших» славянофилов И. С. Аксаков — заметное лицо в истории литературы и общественной мысли XIX в. Благодаря активной журналистской и публицистической деятельности в пореформенное время он стал широко известен в обществе как проводник либерально-консервативных взглядов, базирующихся на традиционных ценностях русского народа. Уже давно замечено, что богатое эпистолярное наследие И. С. Аксакова является полноценным источником для характеристики его воззрений на самый широкий круг вопросов, это, разумеется, распространяется, в частности, и на переписку Аксакова с женой.

И. С. Аксаков и А. Ф. Аксакова (Тютчева) были глубоко и убежденно верующими людьми. Религиозная тематика и проблематика, как и разного рода церковная фактология (сообщения о качестве церковных служб, богомолье в церквях и монастырях, о значимых днях православного церковного календаря, говении, панихидах, молебнах и пр.) можно сказать, пронизывает их переписку. Упоминание в переписке московских и петербургских монастырей (Симонов, Донской, Алексеевский, Новодевичий Смоленский в Москве, Новодевичий Воскресенский — в Санкт-Петербурге и др.) чаще всего связано с некрополями, с традицией монастырских семейных усыпальниц. Так, в Москве Аксаковы хоронили в отдаленном Симоновом монастыре (здесь в девятнадцатом столетии были похоронены отец, мать, братья и сестры, умершие при жизни И. С. Аксакова, кроме С. С. Аксаковой¹ [РГАЛИ.

---

¹ И. С. Аксаков, распоряжавшийся похоронами своей сестры, принял решение о погребении в Киеве на основании телеграммы жены, которая сообщала об отсутствии места в родовой усыпальнице: «Симоновский наместник бывший казначей уверяет что на вашем месте нет свободного места на внутрени около решетки был ли у Сони документ на приготовленную ей могилу если нет то прикажешь ли ей купить могилу в другой части кладбища около вас все занято Анна» (Орфография и пунктуация источника — Н. В.).

Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 239], скончавшейся в 1885 г. и погребенной в Киево-Печерской Лавре возле Десятинной церкви у дальних пещер), Тютчевы — в Новодевичьем Смоленском монастыре (Аксаковы участвовали в погребении матери Ф. И. Тютчева — Екатерины Львовны, сестры — Д. И. Сушковой и ее мужа, дочери — Е. Ф. Тютчевой, умершей на руках А. Ф. Аксаковой). На страницах переписки довольно часто упоминаются скорбные события, связанные с похоронами и посещением могил близких людей: кроме Аксаковых и Тютчевых, — М. П. Погодина, С. М. Соловьева, Н. В. Рукавишникова, Н. В. Путяты, Ю. Ф. Самарина, В. А. Елагина, Д. А. Оболенского и др. Сами корреспонденты последний приют обрели также в монастырской огаде Троице-Сергиевой лавры.

Иван Аксаков, с рождения впитавший в себя русскую православную культуру, и А. Ф. Тютчева, немка, приехавшая в Россию восемнадцатилетней девушкой, при всем их мировоззренческом единодушии, все же, думается, несколько по-разному должны были осмыслять реалии русской «исторической» церкви. А. Ф. Тютчеву в первую очередь занимала ее мистическая сторона. Православный монастырь, по ее мнению, — это средоточие святости и божественной благодати, где монахи исполняют духовное подвижничество в беспрестанной молитве за греховное человечество. Именно благодаря бескорыстности и искренности духовного служения монахов становятся благодатными места, где расположен монастырь, и чудотворными вещи, находящиеся в нем. В этой связи можно вспомнить рассказ А. Ф. Тютчевой в дневнике о чудотворной мантии Серафима Саровского, благодаря которой удалось в 1860 г. излечить от скарлатины Великую княжну Марию Александровну и облегчить предсмертные страдания императрицы Александры Федоровны, а также через год написанное стихотворение «Святые горы». Последнее произведение было исправлено Ф. И. Тютчевым, который несколько искажил идею дочери, сместив акцент с прославления молитвенного подвига на предвечный животворящий крест [*Литературное наследство*: 330–333]. Вместе с тем для А. Ф. Тютчевой святость места обуславливается в первую очередь святостью и нравственной чистой личности, осуществляющей духовное служение. Так, спустя три года после свадьбы А. Ф. Тютчева писала мужу: «J'ai été à la messe au Kremlin. Il y a voit messe d'archevêque à Успенск pour la fête de St. Philippe. J'ai bien prié pour toi et cela m'a rendu le coeur un peu plus tranquille. <...> Maman

et Sophie étaient aussi à Успенск. Je me suis approchée avec maman des reliques de St. Philippe: c'est sur ces reliques que maman m'a bénie après la messe le lendemain du jour où je suis devenue te promise. C'est aujourd'hui, fête de St. Philippe que je suis arrivée ici il y a sens pour me marier, c'est dans l'église de St. Philippe que notre mariage a été béni. Si nous avons un fils, Jean, il faut le nommer Philippe. C'était un saint et un grand citoyen et un homme au coeur droit» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 17–17 об.]¹. Вообще А. Ф. Аксакова, при том, что имела критический склад ума, отличалась склонностью к мистицизму, верила в вещие сны и предзнаменования, причем И. Аксаков признавался, что он действительно знал за своей женой «эту грустную способность» [Аксаков, Письмо к А. Н. Бахметевой] предсказания бед. Эта особенность усугубилась после смерти Аксакова. С. Н. Маслова-Горбова вспоминала, как посетила А. Ф. Аксакову незадолго до ее смерти, когда она поселилась в Сергиевом Посаде, чтобы быть ближе к могиле мужа: «Пришел к завтраку какой-то монах. Разговор шел о мистиках, Юнг-Штиллинге и Сведенборге: Анна Федоровна искала возможности общения с душой Ивана Сергеевича, читала мистиков, занималась спиритизмом» [Маслова-Горбова]. Между тем, несмотря на то, что А. Ф. Аксакова искренно и горячо приняла православную веру со всем набором истинно «православного христианства», предложенного К. Н. Леонтьевым, «с верой в икону Иверской Божией Матери, в мощи св. Сергия, в проповеди Тихона Задонского и Филарета, в прозорливость и святую жизнь некоторых и ныне живущих монахов» [Фетисенко: 175], — ее непримиримый максимализм в отношении нарушения чистоты нравственного облика Божьих молитвенников свидетельствовал об элементах протестантской этики, лежащей в основе ее христианского идеала и заставлял яростно нападать на К. Н. Леонтьева, когда он не придавал должного значения «подлости»

---

¹ Я ходила к обедне в кремль. В Успенском была архиерейская служба по случаю дня Св. Филиппа. Я хорошо помолилась за тебя, и на сердце стало немного тише. <...> Маменька и Соня тоже были в Успенском. Мы приложились с маменькой к мощам Св. Филиппа: именно при этих мощах маменька меня благословила после обедни на следующий день после того, как я стала твоей суженой. Именно сегодня, в день Святого Филиппа, я приехала сюда с намерением выйти замуж, именно в церкви Святого Филиппа наш брак был благословлен. Если у нас будет сын, Иван, мы должны его назвать Филипп. Это был и святой, и великий гражданин, и человек с честным сердцем (*фр.*) (перевод автора — Н. В.)

игуменьи Митрофании, подделывающей векселя [Фетисенко: 162]. При этом очертить в глазах Аксаковой святое место монастыря мог любой намек на казенность и духовную пустоту даже самых незначительных его насельников или суетность и пошлость мирян, ставящих материальное выше духовного. К примеру, такую характеристику дает Аксакова Воскресенскому Новодевичьему монастырю в Петербурге, где находилась усыпальница Тютчевых, а заодно Александро-Невской Лавре: «Nos tombes sont admirablement soignées avec de si beaux monuments et toutes couvertes de fleurs. Mais ce qui gate l'impression c'est d'avoir à faire à la religieuse qui soigne ces tombes, une vilaine creature avide qui vous enable de grossière flagornerie pour vous tirer de l'argent. On m'ademandé *de quell prix* je voulais la панихида. J'ai dit 3 rbls à tout hazard. On ne m'a *crié* qu'une litia. Daria m'a dit qu'une vraie панихида coûte 8 rbls, la messe 25, enfin un pillage. J'ai encore donné 3 rbls à cette vilaine femme, чтоб откупиться de son insipide conversation. J'ai possé une demi heure seule près de ces tombes, toutes enveloppes de la poétique douleur de me belle mère. Un monde de souvenir m'a envahir. Si je meurs avant toi ne m'enterre pas près d'un convent ni d'hommes ni de femmes, ni dans une ville. Enterre moi à la campagne près de d'une église de village. C'est une hospitalité que je demanderai à Kitty. Je n'aime pas non plus ces grands mausolés plus durables que le fragile souvenir et la vie fragile de eux qui nous survivent et qui nous pleurent. Rien n'triste comme ces monumens pour ceux de souvenir changes en monumens d'oubli. Mille fois mieux vaut laisser la nature jeter sur nos cendres le voile poétique don't elle recouvre tout ce qu'elle reprend dans son sein. C'est la réflexion que j'ai faite plus tard sur la tombe d'Eugenie¹ qui est on couvent de Nefsky de Lazare le plus vieux couvent de Petersburg, et qui a l'aspect lugubre d'une vieille carrière de pierres vermoulues, suintant l'humidité et se couvrant avec peine d'une mousse verdâtre» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 173. Л. 131–132]². Впрочем, кажется, что негативный тон

¹ Речь идет о Е. С. Шеншиной (1833–1873), близкой подруге А. Ф. Аксаковой, родной сестре воспитателя великих князей — Д. С. Арсеньева.

² Наши могилы хорошо ухожены, с красивыми памятниками и все покрыты цветами. Но что портит впечатление, так это то, что вам нужно видеть монахиню, которая следит за этими могилами, уродливое, жадное существо, которое раздражает вас грубым подхалимажем, чтобы вытащить из вас деньги. Меня спросили, за какую цену я желала бы заказать панихиду. Я сказала наудачу, что за 3 руб. Мне стали кричать, что это только лития. Дарья мне говорит, что в действительности панихида

в отношении петербургских монастырей имеет еще идеологическую, славянофильскую подоплеку. Известно, как славянофилы, в том числе И. С. Аксаков, относились к петербургскому периоду русской истории, считая его подражательно-западническим, чуждым естественной органической жизни России, а значит — исторически ошибочным. В этом плане даже монастыри воспринимались как атрибут противоестественно созданной Петром столицы, города с «немецким» именем, в котором сидит «немецкое» правительство [Вихрова: 485–489]. А. Ф. Аксакова, которая провела в столице при дворе «12 лет противоестественно жизни» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 256], разделяла нелюбовь мужа к этому городу. И. С. Аксакова, например, восхитило ее «сравнение Петербурга с *courtisane*»¹, которое он посчитал «метким и удачным» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 19].

Вместе с тем И. С. Аксаков, как славянофил, пытаясь понять историческое значение России, приходил к однозначному утверждению: «Нам не на что указать в старине — кроме молитвенных подвигов, не на кого — ни на одного государственного человека — кроме молитвенников, святителей, святых, затворников, пустынников, — ни на один памятник, кроме пещер, храмов, монастырей... богатое духовное наследие. Но что же мы с ним делаем? Мы не отказались от жизни, мы хотим и процветать, как все люди, но, не умея справиться с этим насле-

---

стоит 8 руб., обедня в довершение грабежа 25. Я дала еще 3 руб. этой гадкой женщине, чтобы откупиться от ее пошлого разговора. Я провела полчаса возле этих могил, полностью окутанных поэтическим страданием моей мачехи. Мир воспоминаний захватил меня. Если я умру раньше тебя, то не хорони меня рядом с монастырем, ни мужским, ни женским, ни в городе. Похорони меня в деревне рядом с деревенской церковью. Этого убежища я попрошу и у Китти. Мне также не нравятся эти огромные мавзолеи, более прочные, чем хрупкие воспоминания и хрупкая жизнь тех, кто нас переживет и оплачет. Нет ничего печальнее, чем эти монументы для воспоминаний, замененные на монументальное забвение. В тысячу раз лучше оставить природе покрывать наш прах поэтической завесой, которой она покрывает все, что берет обратно в свое чрево. Это размышление, которое я сделала позже на могиле Евгении, которая располагается в Невском монастыре у Лазаря, это старейший петербургский монастырь и имеет мрачный вид старой каменоломни из гнилых камней, сочащихся влагой и едва покрытых зеленоватым мхом (*фр.*) (перевод автора — Н. В.)

¹ Куртизанка (*фр.*).

дием, отрекаемся от него и являемся действительно *comme des bâtards*¹ в цивилизованном человечестве. Разрешит ли наконец себе Россия задачу — примирить духовное наследие с жизнью цивилизованною, или осуждена — однажды усомнившись в вере — явиться несамостоятельною и для жизни цивилизованной?» [И. С. Аксаков в его письмах: 277]. Действительно, при описании старинных монастырей у И. С. Аксакова всегда присутствует мысль о прошлом, связанном с настоящим. Так, подробно описывая невесте торжества в Киево-Печерской Лавре 15 июля 1865 г., в день Св. князя Владимира, И.С. Аксаков восклицает: «Вся родная история ожила во мне в ее *непрерывной связи* исторических мгновений или моментов, в ее *живой, неумирающей связи*, при ощущении которой утрачивается ощущение лет и времен. Что значит тысячелетие?! Дело Владимира будто вчерашнее дело; и переживаешь *лично, в данную* минуту, по-видимому, ограниченное условиями места и времени, — мгновение всемирно-историческое, касающееся племен и народов, миллионы миллионов лиц, преемственно сменявших друг друга в течение тысячелетия» [И.С. Аксаков в его письмах: 328]. Далее И. С. Аксаков весьма пространно размышляет о значении для Руси крещения, о преемственности и в то же время противостоянии Киева и Москвы, которые «выражают собою два момента в русской истории»: «В Москве Русь является государством и государственный элемент преобладающим, а в ощущении государственной силы есть что-то давящее и гнетущее. В Киеве же вам дышится так легко, как дышится в молодости, весною, утром! Идея единства только носилась над русскою землею, жила в общем сознании, но не воплощалась в резко осязательном факте единодержавия!.. А потом эти горы — полные пещер, и пещеры, полные этих “молитвенников за Русскую землю”, — этой первой жатвы христианского посева» [И.С. Аксаков в его письмах: 330].

Через несколько лет И. С. Аксаков, посылая из Киева письмо от 18 октября 1877 г. жене, еще раз вернется к объяснению значения Киевской лавры и вновь проведет параллель с современностью, с горечью констатируя упадок интереса молодежи к источникам духовности: «Лавра — интереснейшее явление. Не можешь не сознавать, что вся она анахронизм, что она осуждена судом времени, что этот оазис X века среди XIX-го, уже теперь значительно поблекший, непременно поблекнет в XX; в то же время так хорошо, что среди этой современной

---

¹ Как незаконнорожденные (*фр.*)

банальной цивилизации, среди этого наплыва утилитаризма, — еще стоит этот каменный протест во имя высших требований духа, — этот свидетель, этот глашатай об иных запросах, о заботе не о хлебе едином. Но он уже не в состоянии сам по себе дать ответ современным мучительным допрашиваниям, удовлетворить голос людей *нашего* века. Не Лаврою можно ответить этим 200 нигилистам, о которых так не кстати [начинается] на днях суд в Петербурге» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 15]¹. Вместе с тем И. С. Аксаков для себя лично не мыслил иного поведения в монастыре, как традиционного: «Завтра я ударюсь во все тяжкие. Пойду к обедне, приложусь к образу, зайду к отцу Агапиту, к митрополиту Фелофею, — может быть, съезжу в Выдубицкий монастырь...» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 15]. Вообще И. С. Аксаков, в отличие от жены, не был склонен к особой экзальтированности. Он, с одной стороны, с иронией относился к народной вере в «матушку» Иверскую икону [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235. Л. 133], содрогался услужливости киевских монахов, предлагающих «стружек от мощей» [Аксаков И. С. *Письма к родным*: 256], признавался, что не любит «тот culte Богородицы, который существует в русском быту и отчасти в церкви» [И.С. Аксаков в его письмах: 325], с другой стороны, с удовольствием в многочисленных поездках по России посещал монастыри и церкви, прикладывался к мощам и чудотворным иконам, участвовал в молебнах, посылал освященные образки родным, имел множество хороших знакомых среди священников и монахов. И. С. Аксаков был убежден, что «велико значение монастырей, хранящих подле суетливой жизни идеал другой, совершеннейшей жизни, строгой тишины, неизменно-ровное течение дней», но при этом повторял, что «не для монастырей и пустынь только явилось христианство» [Аксаков И.С. *Письма к родным*: 46]. Речь здесь, конечно, идет о понимании Аксаковым христианского идеала в широком смысле.

В славянофильской идеологии именно христианский идеал выступал и целью нравственного самосовершенствования, и тем универсальным критерием, с помощью которого проверялась истинность,

---

¹ Имеется в виду «Процесс ста девяноста трёх» (официальное название — «Дело о пропаганде в Империи») — судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 (30) октября 1877 по 23 января (4 февраля) 1878 г. К суду были привлечены участники «хождения в народ», которые были арестованы за революционную пропаганду с 1873 г.

правомерность и значимость личного и социально-политического жизнестроительства, в том числе и церковного. Христианский идеал в понимании И. С. Аксакова сочетал в себе гармоническое единство «закона и благодати»: признание установлений и догматов православной церкви, святости совершаемых в ней таинств, уважение к сану священника и свободы совести, личного нравственного самосовершенствования, «действие живых, личных сил человеческой души» [Фетисенко: 160]. Вместе с тем, если, по определению Хомякова, церковь живых и мертвых, изначально единая, святая, безгрешная — это явление вневременное, то ее историческая ипостась создается людьми, которые в гордом стремлении своим разумением сохранить букву закона могут уклониться с пути любви, которая выражается в «деле, молитве и песне духовной» [Хомяков: 21]. Это может привести к оскудению благодати в такой церкви. Поэтому И. С. Аксаков допускал правомерной и полезной острую критику «исторической церкви» и ее «архиереев», высшего духовенства, которое, по сложившемуся обычаю, непременно должно быть из черного монашества. Последнее обстоятельство наводило на мысль, что монашеский постриг обусловлен не столько духовным подвигом, сколько карьерой. Осенью 1865 г. И. С. Аксаков опубликовал в «Дне» статью «Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства» [ZZZ. (Ростиславов Д. И.)], в которой автор последовательно аргументировал положение, что «монашество из подвижничества стало карьерою» и предлагал пути исправления подобной ситуации. Аксакову импонировала острота затрагиваемых автором проблем черного и белого духовенства, и он подчеркивал, что статья, о которой он несколько раз весьма лестно упоминает в переписке с невестой, вполне соответствует духу его общественно-политической позиции: «Какая статья раздражит, так это статья о монашестве — раздражит всех архиереев. Она писана монахом очень дельно, обдуманно, тяжеловесно. Бесятся на меня архиереи, дворяне, Синод, Долгорукие, Валуевы. Ничего! Это очень приятно» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 143]. Автор статьи, размышляя о том, почему тормозятся все реформы, которые призваны улучшить жизнь православного духовенства в России, называет «чрезвычайно важное обстоятельство», согласно которому «в statu quo духовенства все истекает из того положения, какое среди его занимает монашество, сосредоточившее у нас в своих руках и главное

руководство воспитания будущих служителей церкви, и верховную правительственную власть над лицами, посвятившими себя на столь высокое служение — и вследствие сего упускают из виду, что всякое преобразование в быту православного духовенства тогда только может быть приведено к успешному окончанию, когда наперед будет предпослана ему реформа монашества. Само собою понятно, что здесь разуметь должно реформу, основанную не на одних только чисто теоретических соображениях, а на точном знакомстве как с основной мыслью монашества, так и с тем, в какой мере эта мысль осуществлялась на деле самыми светлыми личностями в иноческом быту, равно и на правильной оценке исторических событий, содействовавших приведению монашеского духовенства в то положение, в котором оно ныне находится» [ZZZ. (Ростиславов Д. И.)]. С точки зрения автора, чтобы исправить ситуацию, следует помнить основную цель, ради которой возникали иноческие общины, — служение Богу и человечеству. В современном мире, согласно мнению автора, наблюдается искажение этой цели, так как высшие чины церковной иерархии почти исключительно выходят из черного духовенства, и власть церковная, в силу органической близости к власти светской, становится одной из составляющей государственной машины. Если использовать терминологию Аксакова, то можно сказать, что монах превращался в «церковника». Выход был один — вернуть монашеству его основную функцию, запретить занимать монахам епископские места, все привлеченные в монастыри богатства тратить исключительно на благотворительность: «Мы не обязываем наших иноков ни к столь строго подвижнической жизни, какую вели монахи египетские, ни к преимущественному занятию выспренним созерцанием, — и то, и другое может быть у нас только исключительным явлением, а не общим правилом. Зато мы требуем от них, чтобы они чрез деятельное участие в делах общественной благотворительности больше, чем даже восточные монахи, совершали подвигов христианской любви к ближним» [ZZZ. (Ростиславов Д. И.)]. Кроме этого, автор предлагает «положить конец существованию у нас ученого монашества, как такового явления в иноческом нашем быту, которое вовсе ему не сродно, и притом введено у нас по подражанию нашим непримиримым врагам». «Впрочем, — уточняет автор статьи, — мы считаем нашим долгом здесь заметить, что мы при этом не имеем в виду обречь лиц монашествующих на крайнее невежество.

Напротив, мы вполне уверены, что образование для них совершенно необходимо — даже мы готовы согласиться и на то, чтобы люди ученые попоступлении в монашество, продолжали свои учено-кабинетные занятия и в новом положении. Но допустить существование учено-монашеского общества с образовательно-воспитательной целью, тем более верить ему воспитание будущих служителей церкви, мы ни под каким условием не можем» [ZZZ. (Ростиславов Д. И.)]. Причины столь негативного отношения автора к обществу ученых монахов очевидны: во-первых, невозможно воспитать свободную, творчески мыслящую личность монаху, основу существования которого составляет строгое послушание, и, во-вторых, образцом для российских обществ ученых монахов является орден иезуитов, или, как говорит автор, «в институт наших ученых монахов вкралась некоторая доля иезуитизма». Интересно, что критике ордена иезуитов будет посвящено несколько статей Ю. Самарина, опубликованные чуть позже в «Дне».

Еще в начале 1850-х гг. под впечатлением проповедей протестантского пастора Александра Вине, с одной стороны, и знакомства с святоотеческими творениями, с другой, И. С. Аксаков задумывается над вопросом о возможности совмещения личного счастья, аскетического подвига и общественного служения. Как известно, Хомяков в целом одобрил позицию И. С. Аксакова, защищающего для христианина право и на счастье, и на общественный подвиг, поскольку труд на благо ближнего — это высшая форма христианской молитвы и аскезы [Хондзинский П., *прот*: 169–170].

Основные положения, отраженные в переписке И. С. Аксакова с Хомяковым по поводу аскезы и личного счастья, Аксаков будет впоследствии разъяснять невесте, А. Ф. Тютчевой, рассуждая о таинстве брака и семейной любви. П. Хондзинский, оценивая негативное отношение Хомякова к христианской аскетике, писал: «Как бы то ни было, очевидно, что не менее скептически, чем к богословской школе (“Макарий провонял схоластикой”), Хомяков относился и к традиционной “монашеской” аскетике, зафиксированной традицией “Добротолубия”, что естественно вытекало из его (и его друзей, за исключением Киреевского) отрицательного отношения к монашеству в целом» [Хондзинский П., *прот*: 171].

Так и И. С. Аксаков, утверждая высокий нравственный идеал в семейной жизни, призывает не поддаваться лжи «буквального» аскетиз-

ма, проповедуемого некоторыми монахами (например, о. Матвея, духовника Гоголя), которые впадают в соблазн быть «духовнее Христа», поскольку в этом случае попирается свобода человека: «Мы можем впасть в страшную ложь — в ложь аскетов, если мы живую нашу душу будем сознательно, следовательно, искусственно и насильственно, так сказать, вытягивать в бесплотный дух, убивать в себе все живые в нас чувства. Для Ефрема Сирина и ему подобных — собственно говоря, Христос *не довольно духовен*, они хотят быть духовнее Христа, — этого “Сына человеческого, который ест и пьет” и радость брака освящает!» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 194]. Утверждение это последовало в ответ на реплику А. Ф. Тютчевой о возможности такой любви между супругами, чтобы они могли радоваться смерти друг друга. И. С. Аксаков остроумно развенчал это ложное умозаключение: «Эдак, пожалуй, из любви к мужу, из прекрасного желания переселить его в радость духовную, — можно пособить ему, так, слегка, поскорее туда отправиться!» [РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 195]. Думается, И. С. Аксаков смог убедить свою невесту в фальши «буквального» аскетизма, и в этой связи понятна ее реакция на брошюру монашествующего К. Леонтьева «Наши новые христиане» (1882): «Не столько атеисты — враги Христа, столько такие лица, как Вы, которые неправильным толкованием его слов компрометируют христианство» и вердикт И. С. Аксакова в отношении «аскетического мирозерцания» Леонтьева: «Его художественный талант не искупает кривизны его мысли, способной оправдывать фанариотов, даже иезуитов. Он не столько христианин, сколько церковник» [Фетисенко: 162]. Аксаков, не будучи «защитником монашества» [Аксаков, 1886: 348], уже в конце своей жизни писал в работе по поводу статьи неизвестного автора, скорее всего, толстовца, «Христианство и прогресс», о том, что он понимает историческую обусловленность монашества, искренность мотивации конкретных монахов и духовную сущность аскетизма: «Аскетизм есть прирожденная духу потребность — освободить дух от рабства телу. Без сомнения, он ложен, когда переходит в гордость духа и в презрение к телу или признает себя единственным путем спасения. Но никогда никакими соборными уставами церковь не выражала такого мнения. Даже на Западе целибат установлен для служителей церкви не как условие спасения, а как такое состояние, при котором человек удобнее может отдаться весь своему служению. Стремление к созданию монастырских общин

понятно с прекращением апостольских замкнутых общин. В апостольской общине члены состояли вне остального языческого мира. Когда общины разомкнулись и слились с миром полухристианским, полужыческим, — потребность замкнутости ухода из мира выразилась в учреждении монастырей. Это явление временное — и уже пережившее или переживающее себя. Главное зло здесь, как и в большей части явлений, с церковью связанных, — это вмешательство государственного закона, который возвел, например, у нас, монахов в сословие, преследует за нарушение обета и проч., и проч.» [Аксаков, 1886: 356–357].

Таким образом, И. С. Аксаков и его жена осмыслили феномен монашества в России в рамках широко понимаемого христианского идеала. При этом они единодушно приветствовали монашеский подвиг как проявление искреннего, свободного и сугубо бескорыстного служения отдельного индивида и в то же время оставляли за собой право критиковать институт монашества, если видели в нем отступление от христианского идеала. Вместе с тем А. Ф. Аксакова, оставаясь во всех сферах духовной жизни в границах исторической церкви, критику распространяла только на явные факты личного несовершенства отдельных монахов, а И. С. Аксаков, как лидер славянофильства, мыслил своей задачей сформировать в обществе такой уровень национального самосознания, который бы обусловил наиболее органичные формы во всех сферах, в том числе и духовной жизни. Официальное положение института монашества в синодальный период он считал косным, слишком зависимым от «цесареви» и не вполне соответствующим историческому идеалу иноческой жизни, поэтому его критика иногда могла показаться церковным властям излишне радикальной, однако, в виду его высокой личной нравственности, мало кто сомневался в искренности его христианского служения обществу.

Список литературы

- Аксаков И. С. Письмо к А. Н. Бахметевой // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 5.
Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Типография М. Г. Волчинова, 1886. 770 с.
Аксаков И. С. Письма к А. Ф. Аксаковой 1865–1866 гг. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 236.
Аксаков И. С. Письма к А. Ф. Аксаковой 1866–1886 гг. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 235.

Аксаков И. С. Письма к родным. 1848–1856 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 405 с.

Аксакова А. Ф. Письма к И. С. Аксакову 1866–1886 гг. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173.

Вихрова Н. Н. Псевдонимы И. С. Аксакова в газете «День» (1861–1865) // Ономастика Поволжья. Материалы XVII Международной научной конференции / Сост. и ред. В. Л. Васильев. 2019. С. 485–489.

И. С. Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой: в 3 тт. Т. III. Письма 1857–1886 гг. / сост., подг. текста, примеч. Т. Ф. Прокоповича. М.: «Русская книга», 2004. 608 с.

Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. ред. С. А. Макашин, К. В. Пигарев, Т. Г. Динесман. М.: Наука, 1989. 711 с.

Маслова-Горбова С. Н. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: <https://maslodmemoirs.wordpress.com/> (Дата обращения: 07.10.2019).

РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 131–132.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX — первой четверти XX века). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012. 786 с.

Хомяков А. С. Сочинения в 2 тт. / Сост. В. А. Кошелева. Т. 2. Работы по богословию. М.: Медуим, 1994. 478 с.

Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. 480 с.

ZZZ. (Ростиславов Д. И.?) Связь современного положения у нас монашества с вопросом об улучшении быта нашего православного духовенства // День. 7 октября. № 35; С. 830–835; 9 октября. № 36. С. 855–862.

References

Aksakov I. S. *Pis'mo k A. N. Bahmetevoj* [The letter to A. N. Bahmeteva]. Department of manuscripts of Institute of Russian literature. F. 3. Op. 2. Ed. hr. 5. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Polnoe sobranie sochinenij* [The complete works]. Vol. 4. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova Publ, 1886. 770 p. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Pis'ma k A. F. Aksakovoj 1865–1866 gg* [The letters to A. F. Aksakova (1856–1866)]. The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 10. Op. 1. Ed. hr. 236. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Pis'ma k A. F. Aksakovoj 1866–1886 gg* [The letters to A. F. Aksakova (1866–1886)]. The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 10. Op. 1. Ed. hr. 235. (In Russ.)

Aksakov I. S. *Pis'ma k rodnym. 1848–1856* [The letters to Aksakov's family (1848–1856)]. Moscow, Nauka Publ, 1994. 405 p. (In Russ.)

Aksakova A. F. *Pis'ma k I. S. Aksakovu 1866–1886 gg.* [The letters to I. S. Aksakov (1866–1886)] The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 10. Op. 1. Ed. hr. 173. (In Russ.)

Vihrova N. N. *Pseudonimy I. S. Aksakova v gazete "Den" (1861–1865)* [Pseudonyms of I. S. Aksakov in the journal "Den" (1861–1865)]. *Onomastika Povolzh'ya. Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Onomastics of the Volga region. Materials of the XVII International Scientific Conference]. 2019. P. 485–489. (In Russ.)

I. S. Aksakov v ego pis'mah. Epistolarnyj dnevnik 1838–1886 gg. S predislavim, kommentarijami i vospominanijami A. F. Aksakovo: v 3 tomah. [I. S. Aksakov in his letters. The Epistolary Diary (1838–1886) with the foreword, commentaries and memories of A. F. Aksakova: in 3 vols]. Vol. III. *Pis'ma 1857–1886.* Moscow: Russkaya kniga Publ, 2004. 608 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. [The Literary Legacy] T. 97. Fedor Ivanovich Tyutchev. Moscow: Nauka Publ, 1989. 711 p. (In Russ.)

Maslova-Gorbova S. N. *Vospominaniya* [The Memories]. URL: <https://maslodmemoirs.wordpress.com/> (access date 7.09.2019) (In Russ.)

Fetisenko O. L. "Geptalisty": *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki I ucheniki: (Idei russkogo konservatizma v literaturno-hudozhestvennyh i publicisticheskikh praktikah vtoroj poloviny XIX — pervo jchetverti XX veka).* ["Geptalisty": Konstantin Leontiev, his interlocutors and students: (The ideas of Russian conservatism in the literary, artistic and journalistic practices of the second half of the XIX — the first quarter of the XX century)] St. Petersburg: Pushkinskij Dom Publ., 2012. 786 p. (In Russ.)

Homyakov A. S. *Sochineniya v 2 tomah* [Works in two volumes]. Sost. V. A. Kosheleva. Vol. 2. Moscow: Medium Publ, 1994. 478 p. (In Russ.)

Honzinskij P., prot. "Cerkov' ne est' akademiya": *Russkoe vneakademicheskoe bogoslovie XIX veka.* ["The Church is not an Academy": Russian extra-academic theology of the 19th century.] Moscow: Publishing PSTGU, 2017. 480 p. (In Russ.)

ZZZ. (Rostislavov D.I.?) *Svyaz' sovremennogo polozheniya u nas monashestva s voprosom ob uluchsheni byta nashogo pravoslavnogo duhovenstva* [The connection of the current situation of our monasticism with the question of improving the life of our Orthodox clergy]. *Den.* 7 oktyabrya. № 35; P. 830–835; 9 oktyabrya. № 36. P. 855–862. (In Russ.)